

Место, к которому направлялся Ши Цзянь, располагалось в пригороде Тяньчэна.

Он медленно брел по узкой тропинке, по обе стороны которой раскинулись величественные гинкго и клены. Их ветви тесно переплетались высоко над головой, и при каждом порыве ветра в воздухе разливался мягкий, умиротворяющий шелест листвы.

Солнечный свет робко пробивался сквозь просветы в густых кронах, и время от времени тишину нарушало мелодичное пение птиц.

Каждый раз, проходя по этому пути, Ши Цзянь чувствовал, как его сердце постепенно успокаивается, а тревоги отступают.

В конце тропинки высилось здание, воплощавшее в себе ультрасовременный стиль: ослепительно белые стены, темная черепица, безупречная чистота и лаконичность – здесь не было ни единого лишнего украшения. У самого входа висела серебристая табличка, на которой были аккуратно и строго выгравированы два иероглифа.

Цинцзин.

Здание полностью оправдывало свое название: вокруг царило такое глубокое спокойствие, словно внутри не было ни единой живой души.

Ши Цзянь вошел внутрь, совершенно не опасаясь, что его кто-то заметит.

- Господин Ши, пожалуйста, пройдите за мной, – вполголоса произнесла подошедшая к нему помощница.

Они были хорошо знакомы, и Ши Цзянь мягко, едва заметно улыбнулся ей.

Помощница улыбнулась в ответ, чуть прищурив глаза, и повела Ши Цзяня дальше по коридору.

- Доктор Жуань, – она тихо постучала в дверь.

Ши Цзянь уже переступил порог и вошел внутрь.

Интерьер помещения был предельно лаконичным: кремовые стены казались особенно чистыми в мягком, рассеянном свете, а в самом центре комнаты стоял светло-серый шезлонг.

На массивном деревянном столе лежала раскрытая красная книга, а рядом с ней покоились очки в тонкой, изящной золотой оправе.

Жуань Цинжан стоял у окна, медленно попивая воду. Его фигура была стройной, статной и какой-то удивительно гармоничной.

Услышав шаги, он обернулся. На его лице играла привычная, едва уловимая улыбка – он был из тех редких людей, кто одним своим присутствием способен подарить окружающим чувство абсолютного покоя.

- Давно не виделись, - голос Жуань Цинжана звучал мягко и приятно. - Как ты в последнее время?

Ши Цзянь дежурно улыбнулся:

- Вашими молитвами, всё неплохо.

Когда они обменялись рукопожатием, Ши Цзянь невольно вспомнил, как Чу Юнь отзывался об этом враче.

А ведь он действительно выглядел таким утонченным, благородным человеком.

Его лицо по своей красоте вполне могло соперничать с обликом Чу Юня, однако они были совершенно разными.

Черты лица Жуань Цинжана были изящными, переносица - высокой и прямой. Его узкие глаза не казались суровыми; в отличие от ослепительной, бьющей через край красоты Чу Юня, в нем чувствовался мягкий, сдержанный шарм, полностью лишенный всякого легкомыслия.

Он надел очки, что лишь добавило ему книжной утонченности, способной без труда развеять любые сомнения или страхи в душе человека.

- Приляг и расслабься, - его голос звучал спокойно, в нем слышались нотки искренней, уместной заботы.

Ши Цзянь послушно лег в кресло и медленно закрыл глаза.

Ощущение поверхности шезлонга, едва уловимый запах воздуха - всё это были до боли знакомые, почти родные фрагменты жизни Ши Цзяня.

Он уже не помнил, сколько раз бывал здесь, как не помнил и того, зачем ему вообще нужно посещать врача.

Сюй Ван стал для него тем самым надежным старшим братом, который помогал удерживать в памяти все эти детали, не давая им окончательно стереться.

Ши Цзяню часто казалось, что его жизнь - это заезженная пластинка, наполненная подобными мелкими, неизменными деталями.

Например, постоянные напоминания Сюй Вана о приеме лекарств строго по расписанию или регулярные визиты в Цинцзин, знакомый, обволакивающий голос Жуань Цинжана и неизменный, почти ритуальный процесс лечения.

Шезлонг автоматически отрегулировал положение, и Ши Цзянь подумал, что сейчас пришло время зажечь благовония.

Раздался тихий, едва слышный звон.

Ароматическая палочка загорелась, и воздух вокруг наполнился знакомым, успокаивающим ароматом.

Ши Цзянь улыбнулся.

- Чувствуешь запах благовоний? - голос Жуань Цинжана мягко, почти невесомо вёл его за собой. - А теперь просто слушай мой голос...

Сознание Ши Цзяня то стремительно погружалось в темную пучину, то вновь всплывало на поверхность, но как бы Жуань Цинжан ни направлял его, он не мог расслабиться до конца. Даже будучи прекрасно знакомым с этим процессом, он всё равно, прежде чем окончательно провалиться в небытие подсознания, молча и крепко вцеплялся в подлокотник.

- Расслабься, ты в безопасности, ты можешь мне доверять...

Возможно, Жуань Цинжан потратил много времени на наставления, а может, прошла лишь одна секунда - Ши Цзянь уже утратил способность мыслить самостоятельно и более не мог судить о времени.

Неизвестно, с какого момента его дыхание стало ровным, сознание медленно погрузилось вглубь, а между бровей залегла глубокая складка.

- Мы заново подтвердим твои воспоминания. Всё, что тебе не принадлежит, всё, что заставляет тебя тревожиться... будет стёрто.

Ши Цзянь продолжал падать, его душа словно отделялась от тела под воздействием этого мягкого, гипнотического голоса.

Лечебное кресло в его воображении превратилось в одинокую, хрупкую лодку, бесцельно дрейфующую по воде. Вокруг не было ни души, лишь он один раскачивался на волнах посреди бесконечной черной глади.

Он крепко зажмурился, дыхание участилось. В его груди словно билась в агонии птица с широко расправленными крыльями; она металась внутри тела, в панике ударяясь о рёбра, отчаянно пытаясь вырваться из этого тёмного, пугающе одинокого места.

- Скажи мне, что ты видишь? - голос, словно эхо, колебался и отдавался в ушах.

- Мост... - пробормотал Ши Цзянь, послушно отвечая.

- Что там?

- Очень высоко... очень темно и холодно... - по телу Ши Цзяня пробежал сильный озноб.

Сознание рассыпалось на тысячи осколков с неровными, острыми краями, которые с пронзительным свистом резали его нервы. В тот же миг, сопровождаемые резким звоном в ушах, хлынули бесчисленные, хаотичные образы.

Он стоял на краю моста.

Внизу зияла бездонная, абсолютная тьма, а ветер ревел с такой силой, будто был готов разорвать человека на мелкие клочья.

Внезапно его охватила паника, совершенно не похожая на его обычную мягкость и невозмутимость:

- Я... я сейчас упаду!

Перила под руками были ледяными, пронизывающий холод проникал от ладоней до самых костей.

- Не прыгай... вернись!

Голос был полон отчаяния и жгучей тревоги. Кто это?

Ши Цзянь изо всех сил пытался обернуться, чтобы разглядеть, кто пришёл ему на помощь, но как бы он ни старался, видел лишь пустоту.

Он хотел вернуться, хотел ухватиться за протянутую руку, но яростный ветер уже уносил его прочь.

В следующую секунду пришло гнетущее чувство невесомости, ледяная вода накрыла его с головой, наступило удушье.

Он боролся, отчаянно пытаясь выплыть, и вдруг увидел другое лицо – своё собственное или...

- Пэн Шу! - в ужасе закричал он.

Тот человек безмолвно парил на дне, глядя на него пустыми, равнодушными глазами.

Ши Цзянь в ужасе отпрянул.

Это не был Пэн Шу. Тогда Тун Хуа... неужели это ты?

Те самые, абсолютно одинаковые лица окружили его, безразлично наблюдая за тем, кто стремительно падает в бездну.

Ши Цзянь метался, боясь смотреть на любого из них.

Ведь это всё был он сам – как же это могло быть так ужасно?

Мир искажался, расширялся и сжимался, то приближаясь, то удаляясь. Размытые фигуры появлялись за спиной, а в ушах зазвучал ледяной голос:

- Ты думал, что сможешь сбежать?

Острые лезвия начали вращаться, голова раскалывалась от невыносимой боли. Он пытался закричать, но горло словно сдавила невидимая, стальная рука.

...Кто... кто из них настоящий?

Очертания моста растворились, картинки сменяли друг друга с бешеной скоростью.

Имя Тун Хуа, лицо Пэн Шу, холодный, пронзительный взгляд Чу Юня – всё это, словно осколки разбитого зеркала, пронеслось в голове, вращаясь и разрушая каждый нерв.

- Кто это? - голос Жуань Цинжана прозвучал внезапно, словно спасительный трос, брошенный в бездну.

- Не знаю... - голос Ши Цзяня был почти стоном.

Тун Хуа? Пэн Шу?

Чу Юнь...

Его тело сотрясала сильная дрожь, он был на грани удушья, по лицу катился холодный пот.

- Скажи мне, кто ты?

- Я... я не знаю...

Мир рассыпался на части прямо у него на глазах, тьма и свет быстро переплетались, превращаясь в ослепительно-серую пелену.

- Дзынь!

Х-х-х...

Его резко, словно рывком, выдернули из ледяной воды.

Чу Юнь!

Ши Цзянь дышал так тяжело и прерывисто, что это напоминало всхлипывания. Он открыл глаза - испуганный, совершенно растерянный, с лицом, покрытым холодным потом.

Перед глазами возник белый потолок комнаты, а в воздухе едва уловимо витал тонкий аромат сандала.

- Слушай мой голос.

Мягкий, обволакивающий тон пробился сквозь густой туман хаоса, застывший сознание Ши Цзяня.

- Ты в полной безопасности, всё уже позади.

Ши Цзянь постепенно приходил в себя. Его зрачки мелко дрожали, когда он перевел взгляд на человека, находившегося рядом.

Он смотрел на него пристально, словно пытался проверить, настоящий ли этот человек или очередной призрак из его видений.

Жуань Цинжан медленно приблизился к нему, однако предусмотрительно сохранял безопасную дистанцию, чтобы не напугать пациента.

Он намеренно замедлил темп речи, и каждое его слово, подобно теплой воде, медленно и

бережно просачивалось в каждую трещину израненного сознания Ши Цзяня, сглаживая острые шрамы и залечивая глубокие душевные раны.

- Глубоко вдохни... скажи себе, что сейчас - это настоящее, а не прошлое.

После каждого такого успокаивающего наставления Ши Цзянь понемногу возвращался в реальность.

Он снова закрыл глаза, и в этот миг смутно забыл, чего именно он так отчаянно боялся мгновение назад.

Он нахмурился, глядя на свои ладони - они неконтролируемо дрожали и были влажными от пота. Вместо ясности в его мыслях поселилось еще большее замешательство.

В этом состоянии полудремы он услышал, как Жуань Цинжан нежно, почти шепотом произнес:

- Ты не одинок, я всегда буду здесь, чтобы помочь тебе.

Ши Цзянь долго молчал, прежде чем с трудом выдавить из себя хриплым, надтреснутым голосом:

- Спасибо...

Он действительно никогда не был нормальным человеком. В те редкие дни, когда ему казалось, что с его психикой всё в порядке, одного единственного кошмара было достаточно, чтобы грубо пробудить его от иллюзий.

Те страхи, что таились в самой глубине его души, неустанно твердили ему: Пэн Шу никуда не ушел, а Тун Хуа - это и есть его истинный ночной кошмар.

Притворялся ли он, что ему всё равно, лишь для того, чтобы обмануть Чу Юня, или же он так глубоко обманывал самого себя - Ши Цзянь не мог найти ответ.

Они сменили позу и теперь тихо сидели друг напротив друга.

- Есть такая фраза: «Человек должен пройти сквозь тьму, чтобы достичь рассвета».

Жуань Цинжан смотрел на Ши Цзяня, который всё еще пребывал в глубокой прострации. В его взгляде читалось необъяснимое чувство вины, а возможно, и легкое бессилие от того, что он не мог помочь своему пациенту в полной мере.

- То, что ты сейчас переживаешь, - продолжал утешать его Жуань Цинжан, - это лишь часть пути, который должен пройти каждый, чтобы познать то, что скрыто в самых темных глубинах души.

Ши Цзянь медленно провел пальцами по бриллианту на своем запястье - его острота и холод подарили ему крохотную, почти неощутимую крупницу спокойствия.

Значит, глубины его души, вероятно, полны глубоких ям и липкой грязи. И вряд ли кто-то в здравом уме захотел бы отправиться в такое «путешествие», кроме тех персонажей, чьи роли он играл, насильно затаскивая их за собой в бездну.

- Картины, которые ты видишь, - это неизбежный путь к тому, чтобы заново узнать самого себя. Верь в себя.

Ши Цзянь подумал, что это вряд ли возможно.

Он не мог ни примириться с самим собой, ни стать тем, кем должен был быть на самом деле.

Даже доктор Жуань не мог спасти двойника, который жил лишь тем, что виртуозно изображал других людей.

В жизни он был двойником Тун Хуа.

В театре он был лишь пустым сосудом для различных персонажей.

Отделиться от них означало убить его самого и всех тех, кто в нем нуждался, включая Чу Юня.

Ши Цзянь не мог этого сделать и не собирался.

Ему очень хотелось сказать Жуань Цинжану, что регулярные визиты в Цинцзин - это, возможно, лишь пустая трата драгоценного времени доктора.

Но Ши Цзянь не был из тех людей, кто говорит правду в лицо; он лишь мягко и привычно улыбнулся.

- Я понимаю, спасибо вам, доктор Жуань.

Ручка в руке Жуань Цинжана замерла. Он опустил глаза, закрыл блокнот и переложил руку на лежащую рядом «Красную книгу».

- Всю свою жизнь мы боремся с той частью себя, которую не можем принять, - он поднял голову, посмотрел прямо в глаза Ши Цзяню и медленно добавил: - Но человека определяет не его прошлое, а то, как он к нему относится.

Ши Цзянь кивнул, словно искренне принял эти слова:

- Хорошо, доктор Жуань.

Но у Ши Цзяня не было прошлого.

Его разум, вероятно, был тяжело болен: все воспоминания были полны зияющих дыр, а нервы - изорваны в клочья, словно их изъели неведомые насекомые, оставившие после себя лишь гниющие остатки внутри его тела.

Каждый раз, когда ему казалось, что он наконец во всём разобрался, кто-то снова грубо пробуждал его.

Например, Жуань Цинжан был одним из самых жестоких в этом плане.

Врач раз за разом твердил Ши Цзяню: всё в твоих воспоминаниях - ложь, истинна лишь реальность.

- Единственное, во что ты можешь верить, - это твоё настоящее.

Забудь о прошлом, не пытайся оглядываться назад, живи настоящим, смотри только на то, что

реально существует перед тобой.

Ши Цзянь вышел из машины.

Он хотел быстро и решительно вернуться домой, но в его затуманенном мозгу, словно заевшая пластинка, всё крутилась одна фраза:

- Я скоро вернусь, поэтому ты...

- ...тоже скоро.

Он обещал Чу Юню, что вернётся пораньше.

Но тело двигалось с трудом, словно его волокли по земле. С того самого момента, как Ши Цзянь покинул Цинцзин, из воображаемого ада потянулись бесчисленные бледные руки, сочащиеся густой, темной жидкостью. Они по очереди хватали его за лодыжки, пытались удержать на месте, не дать уйти.

Ши Цзянь изо всех сил сопротивлялся, каждый шаг давался ему с нечеловеческим трудом, пока он наконец не добрался до резиденции Чжоуинь.

- И это ты называешь «вернуться пораньше»?

Голос, который всё это время звучал приглушённо, словно сквозь толстый слой воловьей кожи, был внезапно пронзён этим резким вопросом. Ши Цзянь наконец, сквозь острую боль, от которой в сознании выступила кровь, снова отчётливо услышал окружающий мир.

Его расфокусированный взгляд, зацепившись за человека, который подошёл к нему с мрачным лицом, вновь обрёл свет.

Резкая боль в запястье, которое крепко сжали, заставила его снова почувствовать себя живым.

Глаза, что сверлили его взглядом, были такими живыми и настоящими, что заставили зрачки Ши Цзяня дрогнуть.

- Твой нынешний жалкий вид - это попытка вызвать у меня жалость? - голос приближался. - Почему каждый раз, возвращаясь оттуда, ты выглядишь как полуживой?

Ши Цзянь не ответил, он лишь внезапно и крепко схватил Чу Юня за запястье.

- Ты что...

Слова не успели долететь до конца - Ши Цзянь подался вперёд и поцеловал его.

Это было совершенно не похоже на его прежнюю мягкость, сдержанность и покорность.

В этом жесте была дрожь, смешанная с почти отчаянной, граничащей с безумием решимостью.

Он хотел завладеть всем, что принадлежало Чу Юню: его губами, его языком, его телом, его...

Даже в этот момент он не мог произнести вслух слово «сердце».

Из них двоих лишь Ши Цзянь был тем, кто окровавленными руками протягивал своё сердце на растерзание.

Ши Цзянь и сам находил это странным.

Казалось, он вовсе не хотел, чтобы Чу Юнь бережно хранил это незащищенное сердце. Пусть Чу Юнь пронзит его ножом или растопчет в пыль – Ши Цзянь не думал о последствиях.

Он был подобен машине с заранее заданными настройками: не оглядываясь ни на что, даже если в следующую секунду весь мир рассыплется в прах, он всё равно хотел среди руин, своими скрипящими, готовыми вот-вот сломаться конечностями, протянуть своё дешёвое, никчёмное сердце.

Поднося его к Чу Юню.

Каждый раз, покидая Цинцзин, лишь в тот миг, когда он снова касался Чу Юня, Ши Цзянь начинал верить, что Жуань Цинжан прав и это лечение действительно помогает.

Пустая голова в этот миг наполнялась смыслом, в мозгу крутилась лишь одна единственная мысль: «Чу Юнь – твой возлюбленный, который дороже всего на свете».

Он хотел заполнить внутреннюю пустоту дыханием Чу Юня, хотел смыть вкус того мрачного пути тем, что ощущал от Чу Юня.

Проникновением и полным слиянием заполнить ту бездну, что лежала между ними.

Объятие, от которого перехватывало дыхание, было его безмолвной, отчаянной мольбой: «Люблю тебя, хочу тебя, не отталкивай меня, не бросай меня».

Стань моим вечным спасителем в этой жизни, подари мне хоть каплю любви.

Пусть даже через то, что ты даёшь другим.

Всё в твоих воспоминаниях – ложь, истинна лишь реальность.

Чу Юнь, любовь к Чу Юню – вот и была единственная реальность Ши Цзяня.